

23. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. XII. М.: Мысль, 1991. С. 543–551.
24. Татищев В.Н. История Российская. М.: Ладомир, 1994. Т. 1. С. 166.
25. Вернадский Г.В. История России. Московское царство 1547–1682. Ч. 2. М.: Леан-Аграф, 1997. С. 178–180.
26. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 439.

Б.С. Зулумян

РЕАЛИИ НОВОГО НАХИЧЕВАНА И РОСТОВА В ПОВЕСТИ «ПЕРЕМЕНА» МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

Повесть «Перемена» [1] Мариэтта Шагинян писала три года – с 1920 по 1923 г. По мере написания части повести публиковались в журнале «Красная новь» (1922, №6; 1923, № 2, 4, 6).

Произведение писалось по свежим следам событий, на основе лично пережитого, увиденного, осмысленного. В те годы сестры Шагинян жили в Нахичеване, знали быт, нравы города изнутри, находясь в эпицентре событий, потрясающих родной город. Место действия – Новый Нахичеван и Ростов-на-Дону, время действия – с февраля 1917 по 1919 г. В этом произведении отразились драматичные события тех лет, коснувшиеся всех, кто жил в те годы на юге России. Сама Шагинян пишет в начале своей повести: «Я провела в Донской области около трех с половиною лет революции, с поездками в Петербург и Закавказье. За это время мне пришлось пережить несколько переворотов, немецкую оккупацию, приезд “союзников” в гости (англичане и французы в Новороссийске и на Кубани), полосы междувластия, когда единственной защитницей обывателя была домовая охрана, атаманщину, деникинщину, врангелевщину». «В этих записках нет ни одного выдуманного слова, ни одной непережитой сцены. Кое-где я только изменила имена и сдвинула пространство». «Период между Февральской и Октябрьской революциями на Дону, деникинщина и налет Врангеля описаны мною почти дословно по дневникам, в “Перемене»» [2]. Охарактеризовав повесть как *быль*, тем не менее Шагинян применила здесь, по мнению Е. Куранды, приемы модернистской поэтики, совмещающей разные стилистические приемы. «Перемена» М. Шагинян – пример, по мнению исследователя, и орнаментальной прозы, и ритмической, с применением звукописи, и метафорического отражения действительности, восходящего к «урокам» прозы А. Белого [3].

В основном фактурное красочное описание жизни и быта нахичеванцев – в этих отрывках особенно выпукло передан армянский колорит – перемежается сотрясающими основы мироздания событиями. Этот рваный ритм по-

вести вместе с вторгающимися сказовыми и с тональностью плача мотивами создает то симфоническое звучание, которое позволило сказать писательнице: «“Перемена” – самая музыкальная из моих вещей» [4].

Итак, мирная картина городской жизни, где описания еды, застолий, быта занимают центральное место. Чем живут нахичеванцы (армянский колорит особенно выпукло проявляется в описаниях застолий), ростовчане?

Это хождение в гости, карты, ужин. Чем и как накрывается стол, писательница описывает с особенным вкусом и знанием: «По вечерам, за ночь, в домах сидели гости и играли в карты. Прислуга на кухне сквозь сон готовила тот же неизменный ужин: летом резались на закуску помидоры и огурцы, делалась “икра” из вареных баклажан, вынимался из банок плачущий белый, пахнувший остро сыр брынза, вспарывалось текущее жиром бронзовое брюхо шамайки, травки всех наименований и запахов, от укропа до белого испанского лука, ложились отдельно, опрыснутые водой, на тарелку; и на печи, посыпанной крупным углем, подогревался бараний соус с бобами...»

В это медленное, в общем-то благополучное существование мало-мальски обеспеченной части общества вторгается новость: царь отрекся от престола, власть перешла в руки Временного правительства. С этого момента начинается временное и событийное движение повести.

В ангажированности советской идеологией, которое имело место позже, обвинить Шагинян невозможно. Тогда ее большевизм был еще не совсем осознанным, шел из глубин ее личного опыта и восприятия той реальности, которая во всех неприкрытых противоречиях так или иначе настигала еще молодую женщину. Поэтому Шагинян в число действующих лиц своей повести вводит и казачество, и крестьянство, избалованное излишком; и спекулянтов, неврастеническую интеллигенцию и крепко сидячее мещанство, и муравейник рабочих, пропитанных зловонью Темерника, муравейник шахтеров, изглоданных угольной пылью.

Хронотоп повести разворачивается последовательно в соответствии с историческими событиями: перед читателями проходят картины смены власти на Дону. Сначала – Временное правительство: эйфория свободы, много-речие, сумятица.

Затем пришли большевики: «Зимний дворец разграбили дочиста, сняли гобелены и нашили себе портянок. А у нас в Совете большевики радуются: “поддержим питерских товарищей”...»

Революция, «катящаяся» весело, вскоре обернулась гримасой смерти: беженцами, разрухой, братоубийственной войной. Казаки устроили казнь, бойню большевиков в Балабановской роще. Снова события повести в бешеном ритме находят друг на друга, смерти чередуют друг друга, порой доводя рассказ до накала трагедии. Только бабка Лукерья-молочница невозможно констатирует: «Большаков-то выкурили. Чисто. Казаков-то выкурили. Чисто».

Большевики нарушают весь привычный уклад жизни. Магазины пустые (крестьяне со страху всё попрятали), перепись, «упразднена уже собственность, право иметь больше столько-то денег наличными, сословный суд, прокуроры, сословье присяжных поверенных».

Затем – немцы: «За пушками, в кучке солдат, удивляя невиданным блеском, алюминиевыми кастрюлями, кружками, чайниками и прочей посудой, проехала ровным аллюром походная кухня. Офицеры и унтеры в темно-зеленых перчатках, в мундирах защитного цвета и в гетрах, – “баварской и вюртембергской ландверских дивизий”, шли сбоку, по тротуарам, сверяя ряды проходящих. Были они белокуры, с красноватыми лицами, с алыми ртами из-под светлых усов, а за ушами на розовой шее, где вены, – с зачатком склероза». И снова жизнь закипела.

В нескольких коротких фразах писательнице удастся показать весь разброс мнений, идей, газетных уток и реальной неразберихи. Здесь описания вновь выходят на первый план. Они не длинные и обстоятельные, в классическом варианте, а картина создается посредством динамики перечислений, назывных предложений, метонимий: «Особняки запылали свечами и лампочками. Белоснежные скатерти вынуты из сундуков и расстелены. Электрический чайник кипит и кипит самовар, а в буфетной из банок, повязанных собственноручно, с хитрыми узелками, чтоб девки не крали, достается варенье. В граненые вазочки накладываются абрикосы, кизил и айва, и клубника Виктория, пахнущая ванилью». Застолья и еда свидетельствуют о некоей нормальной, сытой, упорядоченной жизни. То, что упраздняли большевики, «как журавли по весне, возвращалось». Жизнь, казалось, вошла в колею. В напряженном ритме потока информации, за которой встает панорама политической жизни, полной потрясений, – реальность безвластия, разбой, продажа своей земли интервентам. Бесконечный калейдоскоп событий вдруг прерывается возвышенной ритмизованной прозой – рассуждениями о евклидовом пространстве, искривленном пространстве, о вечном, о Переменах, которые сотрясают и переустраивают мир – о новой реальности. Здесь вступает любимая тема Шагинян, так выпукло выраженная в поэзии, – Время. И вновь после паузы, по законам контрапункта и следуя историческим событиям, повествование мчится в ритме времени, пулеметных очередей, смены властей – Деникина, Врангеля, зверствующих казаков. К лучшим страницам повести относится описание смерти большевички Ревекки. Образ матери, любовно собирающей приданое для дочери, выполнен в традициях русской классической литературы, как и сама смерть Ревекки – кульминация повести – доведена до крайней степени реалистической обнаженности описания – от сцены насилия до запарывания ее нагайкой дикими черкесами: «И с языка у Ревекки слетают пронзительные слова: “Убийцы, погибнете, сгинете, как собаки, сотрется с лица земли след ваш, а имена, как песок, засыплет проклятьем!” По очереди наслаждаются, свистя нагайкой, черкесы. Но жутко им от проклятий и суеверно косится каждый на тень свою...»

И, наконец, последняя смена власти в евклидовой кривой сюжета повести: «Белых-то выкурили. Чисто». Пришли большевики. Советы заработали. Звучит песнь новой жизни. В основе этой жизни – смерть Ревекки и Куси. Но ожидание светлого будущего покрывает эти жертвы: «Скоро, скоро все страны станут свободными! Заторопятся люди завести у себя революцию! И музыка, музыка, музыка пройдет по всем улицам мира, с барабанщиками, отбивающими Перемену».

Сегодня, по прошествии без малого ста лет со дня написания этой повести, отображающей ту драматичную эпоху, когда мы пережили не одно переустройство и переосмысление этих событий, можно сказать одно: история – суровый судья – еще не вынесла своего окончательного вердикта. Но то, что Мариэтта Шагинян была искренним приверженцем социалистических идей, пострадавших и пропущенных через высокий интеллект, и правдивым художником, не вызывает сомнения.

Повесть «Перемена» не только документ времени, но и замечательное художественное произведение, которое должно занять свое место в литературе 20-х гг. XX в.

Примечания

1. Шагинян М. Собр. соч. в 9 т. Т. 1. М., 1971. С. 7–139.
2. Там же. С. 31.
3. Куранда Е. Мариэтта Шагинян // Русские прозаики 1920–1930-х гг. М., 2017. С. 223.
4. Шагинян М. Собр. соч. в 9 т. Т. 1. М., 1971. С. 36.

И.Г. Иванцов

АРМЯНСКИЙ РАЙОН МАЙКОПСКОГО ОКРУГА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Проводимая правящей в Советской России коммунистической партией ВКП(б) в начале 1920-х гг. ленинская национальная политика в огромной мере способствовала возникновению целого ряда автономных административно-территориальных образований, национальных по своему характеру и имевших различный статус. От автономной республики, области до автономного района и даже национального сельского совета.

В 1920-х гг. на Кубани было организовано четыре национальных района. Одним из первых в 1925 г. был организован Армянский район. Он был территориально выделен из Горячключевского и Хадыженского районов, вклю-